

Борис Иванюк

«Слабеет звездная узда...»

* * *

Нашествие осы. Желтушный страх.
Оскомина зрачка? челнок на побегушках?
Надкусываю грушу. И оса
заштопывает мякоть груши.

* * *

Смахнули с имени слезу –
И проступил узор латыни.
Так снова слово умертвили
И дань отдали словарю.

Из обверлоченных прорех
летели хлопья карей масти –
и высшим косоглазьем мести,
и обещанием утех.

* * *

Снег снизошел, как первородный вдох,
как долгий звук далекого острога,
как лирика высокого озноба
и как чистописания урок.

* * *

Хочу, как косточка в свистке,
в каком-нибудь хмельном предсердье,
не помня родины и смерти,
болтать на божьем сквозняке.

* * *

Предсердье в охровом нитье,
и эти карие окалины,
и ока черствые окраины,
не размокаемые в вине.

* * *

Просох до нитки. И нутро,
как холм в проплешинах осенних,
как холст, промасленный терпением,
весь в желтых пролежнях. Простор
в порезах, терпких, как полотна.
Оторопел от обмолота,
свалялось русое тепло.
Прогоркло лето. И овраг,
осунувшийся от табачных крошек,
стал и кормушкой, и кормежкой.
И оспинкою на полях.

Процежен ветер. Голос слег.
И карей родинкою ока
слежу за родиной. До срока
завязывая узелок.
В нем от мучнистого толчка,
что по привычке вечно слева,
прощаньем наливалось слово,
как промыслом глухое тело,
как восковою спелостью свеча.

* * *

И дождь по вымокшей реке,
И пес, барахтающийся в лае,
И одинокой птицы стая,
И путник в собственном зрачке.

* * *

Клянусь отравленной рукой
Или отъявленной рекой,
Или веревкою нарочной...
Отыщут в звездной мелюзге,
И смысл, утопленный в слезе,
Возвысится в пыли народной...

* * *

Слабеет звездная узда,
Черствеют человечьи книги –
Твои лукавые уста
набормотали земляники.

* * *

Вчера, вечером мартовским,
Я умер от метафоры внematочной.

* * *

И подобрав с краев, как плат, я, без напутствия и платья, –
Туда, где муравейный брат, а не утробные собратья,
Туда, где карий коровой и хоровод родимых пятен,
Туда, в тот непечатый край и необжитые объятья.

Туда, в бескосточковый сад, под небосвод плодовой тверди,
Где земляные земляки не знают смертного усердья,
Туда, где не видать ни зги, и око в охровой облатке,
Туда, в тот близорукий рай – вниз по тесемочке балладной...

* * *

Не до прогулок. Окоем
в постромках весь и в поговорках.
Я пережду, счастливый, на задворках
сей птичий гам в отечестве моем.

* * *

Схоронили в черешневом чреве,
как сулил и судил мне Бог,
чтоб, прельстившись небесною плевой,
я опять в черновик не убёг.

* * *

Утехой тонкой табака
На подлокотнике оврага...
Нет ни оратая, ни врана...

И с тихой ниткой на запястье,
Хлебнув, отправлюсь восвояси,
У Хлебникова молока.

* * *

Уже еще сентябрь.
Огрызок недозрелый.
Уездное житьё.

* * *

О чем в предзимье
древесный слог качелей
в саду оглохшем?

* * *

Под буквою раскидистою в полдень
Я расплету табачную косичку...
Меня найдешь на долголетней полке
Закладкою на титульной страничке
«Поэзии и правды».

* * *

Ослабевают
Утиные узелки...
И днесь ни строчки.

* * *

Февраль, чернила. Чем во сне
между молозивом и словом
обмолвимся? Неужто снова
дождливым выменем весны
или морочливую сливой?

* * *

Затерпнет. Может, к октябрю.
И стихотворная забота
за табаком, за переплетом,
у притолоки поутру
напутствовать неперелетных.

Елец

